

А. С. МЫЛЬНИКОВ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Логика научного познания, реальные потребности жизни остро ставят вопрос о необходимости выработки целостного, системного подхода к изучению условий, возможностей, характера результатов межэтнического культурного взаимодействия, а тем самым — и их прогнозирования. В этом и заключается смысл создания этнической имагологии как комплексной области знания на стыке ряда научных дисциплин.

Как область знания о представлениях и образах, общая имагология возникает в середине нашего столетия, хотя истоки ее можно обнаружить гораздо раньше. В основном они инициировались представителями психологии и литературоведения. Так, итальянский психолог Антонио Менегетти, создатель онтопсихологии, основываясь на трудах своих предшественников, сделал попытку связать воедино языки снов, природы и жизни: “Все авторы пытались расшифровать сны, базируясь на культуре, мифах, мнениях. Никто не нашел пути к языку, которым пишет сама природа во сне” (Менегетти А. Словарь образов: Практическое руководство по имагогике. Пер. с итальянск. и англ. Науч. ред. Е. В. Романовой, Т. И. Снытко. Л., 1991. С. 25). Отсюда его преимущественный

интерес к содержанию символов и их соответствию жизненным реалиям, объединенные им в понятие “имагогика”.

Это один из возможных аспектов имагологии, привлекая к себе внимание английских, французских и немецких литературоведов-компаративистов примерно с 50—60-х годов нашего столетия. Здесь, однако, нужно со всей определенностью подчеркнуть два момента. Первое: у истоков этого направления, еще не названного имагологическим, стояли труды великого русского филолога и историка культуры А. Н. Веселовского. Второе: исходным для разработки им концепции “сравнительного метода” были славянские материалы. Ныне общепризнано, что наследие А. Н. Веселовского оказало огромное воздействие на последующее изучение прошлого и настоящего славянских культур, прежде всего — литературы и фольклора, в их взаимосвязях между собой и с культурами других народов в контексте мирового культурно-исторического процесса. Это имеет прямое отношение и к нашей теме. Такие компоненты творческого наследия Веселовского, как “антропологическая теория” заимствований с учетом идеи “встречных течений”, его вывод о “самозарождении” и преемственности литературных и фольклорных сюжетов, имеют прямое отношение к изучению этноисторической эволюции.

В 1979 году западногерманский литературовед Манфред Фишер писал: “Поскольку компаративистика, по крайней мере в немецкоязычной среде, является не только молодой, но до сих пор в значительной мере еще неизвестной академической дисциплиной, желательна краткое описание этой дисциплины, ее предмета, методов и целей, чтобы посредством этого показать место и значение имагологии, интегрированной в компаративистику” (Fischer M. S. *Komparatistische Imangologie: Fur eine interdisziplinare Erforschung national — imagotyper Systeme // Zeitschrift fur Sozialpsychologie*. 1979. № 10. S. 30). Он обращал при этом внимание на возможности выявления литературных образов (“картин”) других стран в соответствующих национальных литературах. Примерно в этом же смысле рассуждал румынский литературовед и культуролог Александр Дуца. “Из образов, — подчеркивал он, — возникают клише, стереотипы, которые на протяжении многих поколений стимулируют или тормозят интеллектуальный обмен”.

В настоящее время накопленный опыт позволяет выделить еще одну грань имагологии — этническую. Понятно, что многое из входящей сюда проблематики давно уже попало в поле зрения ученых таких дисциплин, как этнография, философия, культурология, социология, психология и так далее. Однако накопленные наблюдения и выводы до сих пор были разобщены, так сказать, по отдельным дисциплинарным департаментам. К тому же в каждой из названных и родственных им наукам по понятным причинам существуют свои методики, далеко не всегда позволяющие соотносить полученные данные.

На наш взгляд, предмет этнической имагологии могли бы составить следующие основные направления:

1. Создание этнической (этнокультурной) картины мира в различные исторические эпохи, у разных народов и в разных странах.

2. Изучение причин возникновения, формирования и бытования тех или иных стереотипов — образов отдельных народов и их представителей.

3. Разработка комплекса вопросов, связанных с изучением представлений о национальном характере, этническом менталитете и сопряженных с этим явлений, в совокупности порождающих соответствующие этнокультурные стереотипы. Во избежание упрощенной трактовки, а тем более — модернизации, исследование названного комплекса должно вестись с учетом групповых социокультурных представлений, далеко не всегда характерных для представлений общенациональных.

4. Исследование феномена исторической памяти, которая посредством взаимодействия этнического, пространственного и диахронического факторов обеспечивает преемственность этнической (этнокультурной) традиции от прошлого к настоящему и будущему.

Итак, картина мира — этнокультурные стереотипы — этнический менталитет — историческая память. Таковы основные звенья этнической имагологии. Их системная разработка отнюдь не претендует на некое “руководство” культурными процессами, которое, заметим, в прямом смысле

едва ли возможно. Речь идет о чем-то несравненно более глубоком и важном. Взятые в комплексном единстве, намеченные звенья этнической имагологии способны открыть новые возможности и пути познания и осмысления сложных, необычайно противоречивых и зачастую скрытых от посторонних глаз этнопсихологических механизмов межэтнического взаимодействия. А от их познания и осмысления перейти к прогнозированию дальнейшей эволюции и к выработке оптимальных способов и форм достижения межнационального взаимопонимания. Иначе: от познания — к знанию, а через это — к пониманию.

Ибо субъективные представления этносов о самих себе и о других этносах в качестве форм общественного сознания не менее объективны, чем то, что в них отражается и закрепляется.